

УДК 327.7

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ» И «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ» В ДИСКУРСЕ ЕС: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ¹

© 2023 г. КОЦУР Глеб Владиславович*

Кандидат политических наук, ассистент

*Кафедра теории и истории международных отношений, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд)*

***E-mail:** *glebk17@gmail.com, g.kotsur@spbu.ru*

Поступила в редакцию 14.11.2022

После доработки 22.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье проведено сравнение двух понятий, которые получают все большее распространение в официальном дискурсе Евросоюза в последние годы – «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия». До сих пор в академическом и экспертном сообществе отсутствует понимание, как они соотносятся на семантическом уровне. Исследование основано на морфологическом анализе идеологии М. Фридена как теоретико-методологической рамки для сопоставления понятий и определения их смысла. Эмпирическим материалом выступили речи высших чиновников ЕС, политиков, а также ключевые документы Союза в период активного распространения концептов в официальном дискурсе Брюсселя. В результате анализа выявлено, что эти два понятия можно назвать близкими по значению, но не полностью синонимичными. Предсказать их дальнейшую эволюцию невозможно, но они уже заняли важное место во внешнеполитическом дискурсе Брюсселя. Их дальнейшее использование будет

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>.

иметь существенную значимость для всех контрагентов Евросоюза, включая Россию.

Ключевые слова: стратегический суверенитет, стратегическая автономия, идеология, Европейский союз, дискурс

DOI: 10.31857/S0201708323030038

EDN: brfgkt

В ноябре 2019 г. Урсула фон дер Ляйен в своей первой речи перед Европарламентом заявила о «срочной потребности в геополитической комиссии»¹. На содержательном уровне это выразилось в использовании двух категорий в официальном дискурсе Евросоюза – стратегического суверенитета и стратегической автономии. Первая была определена как способность «действовать автономно, а также выбирать, когда, в каких областях и делать ли это с партнерами-единомышленниками»², а вторая – «способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы»³.

Обе категории быстро распространились внутри дискурса ЕС [Leonard, Shapiro, 2019; Fiott, 2018]. Несмотря на французский генезис понятий, в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. уже упоминалось «стремление к стратегической автономии Европейского союза»⁴. Ежегодное обращение главы Еврокомиссии в 2018 г. (тогда – Ж.-К. Юнкера) называлось «Час суверенитета Европы»⁵. После заявления У. фон дер Ляйен о геополитической комиссии президент Европейского совета Ш. Мишель назвал достижение стратегической автономии Европы «целью нашего поколения»⁶. В 2020 г. опубликован документ исследовательской

¹ Leyen U. von der. Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme. European Commission. 27.11.2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (дата обращения: 26.01.2023).

² On the path to “strategic autonomy”. The EU in an evolving geopolitical environment. European Parliament. 01.09.2020. P. 3. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU\(2020\)652096_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652096/EPRS_STU(2020)652096_EN.pdf) (дата обращения: 26.01.2023).

³ Macron E. Initiative for Europe. Speech by M. Emmanuel Macron, President of the French Republic. Department of Foreign Affairs. 26.09.2017. URL: <https://www.dfa.ie/media/English-version-transcript---Initiative-for-Europe---Speech-by-the-President-of-the-French-Republic.pdf> (дата обращения: 26.01.2023).

⁴ Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union External Action Service. 01.06.2016. P. 4. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 26.01.2023).

⁵ Juncker J-C. President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2018. European Commission. 12.09.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения: 26.01.2023).

⁶ Michel C. “Strategic autonomy for Europe – the aim of our generation” – speech by President Charles Michel to the Bruegel think tank. European Council. Council of the European Union.

службы Европарламента «На пути к стратегической автономии»¹. Эти понятия также отражены в идеях Европейской цифровой стратегической автономии², цифрового суверенитета и в проекте Новой промышленной стратегии ЕС, который гласит, что поиски места Евросоюза в новых трансформациях мира «касаются суверенитета Европы»³.

До сих пор в экспертном и академическом сообществе отсутствует понимание различий двух терминов. Например, по мнению Ш. Мишеля, значения понятий не отличаются: «Европейская стратегическая автономия. Или суверенитет? Или сила?.. Сегодня я хотел бы сосредоточиться на сути слов»⁴. Выбор конкретного термина обусловлен предпочтениями органа ЕС, который его использует или конкретной областью деятельности [Романова, 2021]. Это не отвечает на вопрос о семантической разнице между понятиями, относительно которой возможны три подхода: они полностью синонимичны; находятся в близком, но не абсолютно эквивалентном статусе, или существенно различаются. Цель статьи – установить принцип соотнесения понятий «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия» на семантическом уровне.

Теоретико-методологические основания исследования

Статья основана на базовых идеях социального конструктивизма: «структура человеческого сообщества предопределена скорее общими идеями, нежели материальными силами; идентичности и интересы интенциональных акторов формируются этими общими идеями, а не даны по природе» [Wendt, 1999: 1]. Это предполагает не рассмотрение дискурса в позитивистском ключе в качестве отражения реальности, а встроенность идеологических конструкций в социально-политические структуры. Дихотомия ценностей и интересов преодолена за счет фокуса на дискурсивных практиках, где материальное и нематериальное взаимно обуславливают друг друга. Это означает, что дискурс и идеологические структуры ЕС не могут быть оторваны от условной практики политики.

Методологической основой статьи выступает морфологический анализ идеологий М. Фридена [Frieden, 1996], который, по замечанию А. Финлейсона, является одним из двух ведущих инструментов дискурс-анализа в политической науке наряду

28.09.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/09/28/1-autonomie-strategique-europeenne-est-l-objectif-de-notre-generation-discours-du-president-charles-michel-au-groupe-de-reflexion-bruegel/> (дата обращения: 26.01.2023).

¹ On the path to “strategic autonomy”.

² Cybersecurity actors for the European digital strategic autonomy. Eurosmart. 2020. URL: <https://www.eurosmart.com/towards-european-digital-strategic-autonomy-digital-sovereignty/> (дата обращения: 26.01.2023).

³ A new industrial strategy for Europe. European Commission. 10.03.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593086905382&uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 26.01.2023).

⁴ Michel C. “Strategic autonomy for Europe...”

ду с теорией гегемонии Э. Лаклау [Finlayson, 2012]. По мнению Фридена, потенциально политические понятия существуют в повседневном языке во флюидной форме с изменяющимся при каждой артикуляции смыслом. Только внутри матриц конкретных идеологий и идеологических конструкций они приобретают относительно устойчивое значение, проходя процесс деконтекстации и превращаясь в политические концепты¹. По этой причине идеология определяется как «конфигурации деконтекстированных значений политических концептов» [Freeden, 1996: 76], а деконтекстация – как «проходящее внутри конкретной идеологии удаление концепта из потенциальной политической борьбы над точным значением» [Herborth, 2020: 19]. Тезис о том, что значение понятия определяется семантическим полем, имеет много общего с идеями структурализма [Соссюр, 1999: 68–70] и постструктурализма [Derrida, 1997] о важности оппозиций. В процесс деконтекстации может быть вовлечен широкий спектр дискурсивных акторов: от публичных политиков до представителей академической среды и философов. В этот круг входят ключевые чиновники Евросоюза, лидеры государств-членов, спикеры официальных органов, авторы ключевых документов и т. д.

Согласно теории Фридена, идеология состоит из ядра, смежных концептов и периферии. Например, для концепта «свобода» в ядре либерализма смежными являются «права человека», «демократия» и «равенства», а периферийным – «нация». В исследовании сделан фокус на смежных концептах, которые «важны и для артикуляции всей идеологии» [Freeden, 1996: 77]. Можно выделить два типа смежных концептов, а именно: дополняющие и антагонистические. Первые условно «поддерживают» друг друга: в частности, в либерализме «права и свободы человека» не только часто употребляются в паре, но и когерентны по значению, т. е. одно логически вытекает из другого. Вторые неразрывно связаны друг с другом, но выступают на противопоставлении. Например, в устойчивом словосочетании «угроза безопасности» первый концепт условно «атакует» второй. Результатом анализа процесса деконтекстации становится формула из нескольких слов или небольшого предложения, в которой сконцентрировано семантическое содержание концепта. Она представляет не мнение одного дискурсивного актора, а выступает общим знаменателем значения понятия в идеологической конструкции.

Результаты исследования представлены в двух таблицах. В них учтены только так называемые сущностные упоминания концепта, т. е. в выборку не попали его повторные упоминания в соседних предложениях, если они не иницируют новую семантическую линию. В рамках подхода Фридена, синонимичные и производные слова образуют единый концепт (например, экономика и экономический – это разные слова, но один концепт). Мы модернизируем подход, вводя термин концептуального кластера. Контентом кластера становятся смежные концепты, близкие по значению в рамках определенной зонтичной тематики. В таблицах суммированы упоминания данных концептов.

¹ Минимальная единица дискурса, соотносимая с означающим.

Результаты исследования: стратегический суверенитет

В дискурсе Евросоюза концепт «стратегический суверенитет» присутствует относительно недолго, поэтому в выборку попали все упоминания в публичной сфере, где концепт встречается более чем в одном абзаце. Исключены случайные упоминания и отсылки к текстам крупнейших чиновников ЕС и лидеров стран-членов, когда в фокусе их выступлений оказывается тематика деятельности Союза, а также ключевые документы отдельных органов. Критериям отвечают 16 текстов¹ 2016–2021 гг.² Применительно к стратегическому суверенитету в итоговую таблицу попали значения с упоминанием выше пяти единиц.

Первое место занял экономический кластер, в котором, по мнению большинства дискурсивных акторов, должен реализовываться стратегический суверенитет ЕС: «Наш европейский суверенитет – это то, что позволит нам... построить сильную экономику и сделать нас экономической державой в этом меняющемся мире»³. В кластер попали концепты «экономика/экономический», «рынок/рыночный», «торговля/торговый», «финансовый», «промышленный», «инвестиции». Каждый из них обладает спецификой, однако восходит к зонтичной теме экономики. При обращении к этой теме спикеры зачастую делают акцент на необходимости частичной автономии от мировой экономики или вернее – в ее рамках. Вторая позиция в перечне связана с цифровыми технологиями (тематически близкие концепты «цифровой», «технологии/технологический», «данные»). «Без цифрового суверенитета не может быть никакой стратегической автономии»⁴, – заявил глава Европейского совета Ш. Мишель в 2021 г. Стратегический суверенитет также почти всегда определяется дискурсивными акторами как способность действовать, т. е. принимать решения. Внутри децизионистского кластера находятся концепты «действовать», «выбор», «решение» и «независимый», обозначая семантическую линию перехода от пассивного политического состояния ЕС к проактивному. Например, в 2017 г. Э. Макрон подчеркнул: «Суверенитет, который мы хотим, – это суверенитет, который существует именно для того, чтобы объединить наши силы для построения европейской державы, чтобы принимать решения, а не быть лишь объектом того, что сверхдержавы будут делать [с нами]»⁵. Далее в дискурсе ЕС следует кластер, который отсылает к теме безопасности и обороны, затем следует концепт «гло-

¹ В статье не учтены немногочисленные экспертные и академические публикации. В выборку помещены только тексты, непосредственно выражающие официальный дискурс ЕС и государств-членов. Данные дискурсивные акторы занимают привилегированное положение в неолиберальном дискурсе Запада, определяя наполнение того, что Э. Лаклау [Laclau, Mouffe, 2001: 112] называет «узловыми пунктами» семантической системы.

² Хронологические рамки заданы периодом активного распространения концепций внутри дискурса ЕС. События 2022 г. могут привести к радикальной трансформации европейского ценностного поля; это необходимо изучать отдельно уже после окончания российско-украинского конфликта.

³ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

⁴ Michel C. Digital sovereignty...

⁵ Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

бальность». В ходе рассуждений о суверенитете Евросоюз не отказывается от традиционной риторики о ценностях и увязывает их воедино: «Одним словом, только Европа может гарантировать подлинный суверенитет и нашу способность существовать в сегодняшнем мире для защиты наших ценностей и интересов»¹. Это не отменяет важности концепта силы, которую Брюссель автоматически наращивает прямо пропорционально обретению/укреплению суверенности. Наконец, относительно значимым для Евросоюза выступает измерение будущего, потому что сейчас (это признается почти всеми дискурсивными акторами) ЕС еще только находится в процессе укрепления/построения стратегического суверенитета. По этой причине суверенность часто описывается в модальности перспективы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Деконтекстация концепта «стратегический суверенитет» в официальном дискурсе ЕС

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
экономический (19) + рыночный (9) + торговый (7) + финансовый (6) + промышленный (8) + инвестиции (7)	56	вызовы (8) + риски (7)	15
цифровой (24) + технологический (16) + данные (9)	49	национальный/национализм	9
действовать (10) + выбор (11) + решение (10) + независимый (7)	38	зависимость	5
безопасность (10) + оборона (7)	17		
глобальный	15		
ценности (9) + стандарты (5)	14		
сила	14		
защита	12		
будущее	10		
автономия	9		
демократия	9		

Составлено по: Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, la Pnyx, Athens, 7 September 2017. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-786-fr.pdf>; Macron E. Initiative for Europe; Macron E. Discours du Président de la République l’Occasion du Lancement de la Conférence sur l’Avenir de l’Europe. Elysee. 09.05.2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/09/lancement-de-la-conference-sur-lavenir-de-leurope>; Macron E. Transcript: President Macron on his vision for Europe and the future of transatlantic relations. The Internet Archive. 05.02.2021. URL: <http://web.archive.org/web/20220922062216/https://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/transcript-president->

¹ Macron E. Initiative for Europe...

macron-on-his-vision-for-europe-and-the-future-of-transatlantic-relations/; Juncker J-C. President Jean-Claude...; Michel C. Digital sovereignty is central to European strategic autonomy - Speech by President Charles Michel at "Masters of digital 2021" online event. European Council. Council of the European Union. 03.02.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/03/speech-by-president-charles-michel-at-the-digitaleurope-masters-of-digital-online-event>; Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. A European strategy for data. An official website of the European Union. 19.02.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066>; A new industrial strategy...; On the path to "strategic autonomy"...; Michel C. 'Strategic autonomy...; Europe: the Keys to Sovereignty. The European Union. 11.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/breton/announcements/europe-keys-sovereignty_en; Together for Europe's recovery. Programme for Germany's Presidency of the Council of the European Union. EU2020.de. 01.07.2020. URL: <https://www.eu2020.de/blob/2360248/e0312c50f910931819ab67f630d15b2f/pdf-programm-en-data.pdf>; Hudson R. L. Germans kick off their EU presidency with big plans for research and education. Science|Business. 09.07.2020. URL: <https://sciencebusiness.net/news/germans-kick-their-eu-presidency-big-plans-research-and-education>; Merkel A. Speech by Federal Chancellor Dr Angela Merkel opening the 14th Annual Meeting of the Internet Governance Forum in Berlin on 26 November 2019. The Federal Government. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494>; Leyen U. von der. Shaping Europe's digital future: op-ed by Ursula von der Leyen, President of the European Commission. European Commission. 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260; Draghi M. Sovereignty in a globalised world. Speech by Mario Draghi, President of the ECB, on the award of Laurea honoris causa in law from Università degli Studi di Bologna, Bologna, 22 February 2019. European Central Bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190222~fc5501c1b1.en.html> (дата обращения: 26.01.2023).

В образовании семантического ядра дискурсивной категории особую роль играют антагонистические смежные концепты, формирующим смысл за счет противопоставления. В перечне первая позиция занята кластером «вызовы/риски»¹ из разных сфер: от военной до информационной и эпидемиологической; вторая – «национализм», понимаемый как узкое мышление в национальных категориях в ущерб общим интересам. «Я верю в суверенитет Европы. Почему? Потому что наши вызовы более не находятся на национальном уровне»², – отметил Э. Макрон в программной речи в Афинах в 2017 г. На третьем месте находится концепт «зависимость», которую суверенитет помогает/должен помочь преодолеть: «Чтобы сократить существующую зависимость в ряде сфер и защитить свой суверенитет, ЕС необходимо построить стратегическую автономию»³.

Формула деконтекстации концепта «стратегический суверенитет» в официальном дискурсе Евросоюза – это способность принимать независимые решения прежде всего в области экономики, информационной сфере и безопасности для борьбы с вызовами выше национального уровня. Подобное понимание почти всегда предполагает выгоду наднационального перед национальным внутри ЕС. Эта дефиниция существенно отличается от определения суверенитета Европы, сформулированного Э. Макроном как «способность существовать в современном мире, защищать наши ценности и наши интересы»⁴, наполняет конкретикой, соотносит с практикой Евросоюза и его текущей политико-правовой повесткой.

¹ В разных вариантах дискурса вызовы и риски отличаются степенью потенциальности.

² Macron E. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron...

³ On the path to «strategic autonomy»...

⁴ Macron E. Initiative for Europe...

Результаты исследования: стратегическая автономия

Перечень источников, в которых зафиксированы сущностные упоминания концепта «стратегическая автономия», состоит из 11 пунктов, в связи с чем нижний порог попадания значений в итоговый список опущен с пяти до трех. Результаты отражены в Табл. 2.

Таблица 2

Деконтекстуализация концепта «стратегическая автономия» в официальном дискурсе ЕС

Дополняющие смежные концепты	Число упоминаний	Антагонистические смежные концепты	Число упоминаний
экономический (13) + промышленный (13) + рыночный (11) + инвестиции (9) + торговый (8) + финансовый (5)	59	угрозы	3
безопасность (21) + оборона (18)	39	протекционизм	3
действовать (14) + выбор (4) + решение (4) + независимый (3)	25		
цифровой (9) + технологический (8)	17		
глобальный	14		
ценности (7) + стандарты (5)	12		
суверенитет	12		
мультилатерализм	7		
защита	6		
сила	6		
будущее	5		
климат (4) + зеленый (1)	5		

Составлено по: Shared vision, common action...; Michel C. "Strategic autonomy for Europe...; Macron E. Sorbonne speech of Emmanuel Macron – Full text / English version. Ouest France. 26.09.2017. URL: <https://international.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/09/29/macron-sorbonne-verbatim-europe-18583.html>; Macron E. Transcript: President Macron...; Cybersecurity actors...; Michel C. Digital sovereignty...; A new industrial strategy...; Leyen U. von der. Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the new MFF, own resources and the Recovery Plan. European Commission. 13.05.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_877; Borrell J. Navigating a pandemic world: global disorders and Europe's role. The European Union. 09.07.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/navigating-pandemic-world-global-disorders-and-europe-s-role_en; Conclusions – 19/20 December 2013. European Council. Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-217-2013-INIT/en/pdf>; Borrell J. Why European strategic autonomy matters. The European Union. 03.12.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/why-european-strategic-autonomy-matters_en (дата обращения: 26.01.2023).

Как в случае со стратегическим суверенитетом, первое место удерживает экономический концептуальный кластер: «Что мы подразумеваем под “стратегической автономией”?... У нас открытая рыночная экономика. И мы считаем, что торговля приносит пользу нашей экономике и нашему населению»¹ (Ш. Мишель). Второе место занимает кластер безопасности, объединяющий данный концепт с родственным понятием «оборона». «С тех пор стратегическая автономия была расширена за счет новых субъектов экономического и технологического характера, как показала пандемия *COVID-19*. Однако аспект безопасности остается преобладающим и чувствительным»², – писал Ж. Боррель в 2020 г. Остается прежним понимание концепта как способности независимо действовать (децизионистский кластер на третьей позиции). В документе «На пути к стратегической автономии» обозначено: «Европейские лидеры признали, что ЕС должен иметь возможность действовать автономно, открывая возможность достижения более широкого политического консенсуса по стратегической автономии... Мы стремимся действовать многосторонне, когда это возможно, и автономно, если это необходимо»³. Далее в порядке убывания следуют цифровой кластер, концепты глобального, ценностей, суверенитета и др., тем самым практически повторяется набор из предыдущей таблицы.

В качестве антагонистических для автономии количественно выделяются два концепта: угрозы и протекционизм. «Европа должна воспользоваться своей цифровой стратегической автономией и укреплять свой потенциал в области кибербезопасности. По мере того как киберугрозы становятся все более изощренными, европейская подготовка и реагирование на эти угрозы также должны развиваться»⁴, – обозначено в документе «Участники кибербезопасности для европейской цифровой стратегической автономии». Кроме того, по словам Ш. Мишеля, «...стратегическая автономия не имеет ничего общего с протекционизмом. Все ровным счетом наоборот»⁵. Развитие автономии не должно приводить к автаркическому модусу мышления и противоречию ценностям свободной торговли. Ш. Мишель поясняет: «Стратегическая автономия не означает производить все самостоятельно. Это нежелательно и нереально [для достижения автономии необходимо] внести свой вклад в лучший, более справедливый и более зеленый мир...»⁶, что должно дополняться развитием внутри Союза современных конкурентоспособных областей экономики.

Таким образом, формула деконтекстации концепта «стратегическая автономия» в официальном дискурсе ЕС – это несводимая к протекционизму и изоляционизму способность действовать прежде всего в сферах экономики, безопасности и цифровой области для противостояния угрозам. Две формулы имеют много общего, однако не совпадают полностью.

¹ Michel C. Digital sovereignty...

² Borrell J. Why European...

³ On the path to “strategic autonomy”...

⁴ Cybersecurity actors...

⁵ Michel C. Digital sovereignty...

⁶ Там же.

Сравнение

Список общих черт деконтекстации двух концептов довольно обширен. В обоих случаях первое место занимает тематика экономики применительно к обеспечению суверенитета и автономии Европы, а также понимание их как способности к независимому действию. Концепт автономии занимает десятое место для суверенитета, а тот – седьмое по отношению к автономии. Это свидетельствует о том, что оба понятия значимы друг для друга, однако это скорее второй, а не первый ряд деконтекстации, т. к. в обоих случаях позиции с первой по пятую заняты другими понятиями. В таблицах традиционный для ЕС кластер ценностей занимает шестое место, до и после которого располагается примерно совпадающий набор концептов – «глобальный», «сила», «защита», «будущее» и др.

Различий в процессе двух деконтекстаций зафиксировано меньше. Цифровой кластер в таблице, посвященной автономии, занимает четвертое место, а не второе, как в случае с суверенитетом. Для последнего безопасность менее значима (четвертая позиция в сравнении со второй). Ключевое различие заключается в наборе антагонистических концептов, хотя угрозы во второй таблице и родственны вызовам и рискам из первой, а протекционизм имеет ряд сходств с национализмом в дискурсе ЕС. Главное – это разное количество антагонистических концептов в двух перечнях. С одной стороны, это означает, что стратегический суверенитет больше связан с конфликтностью в ценностном поле ЕС, с другой – значительное число прямых оппозиций означает большую определенность, следовательно концепт «стратегический суверенитет» является более зафиксированным в дискурсе Брюсселя.

Заключение

Исследование показывает, что для ЕС стратегический суверенитет – это способность принимать независимые решения прежде всего в области экономики, информационной сфере и безопасности для борьбы с вызовами выше национального уровня, а стратегическая автономия – несводимая к протекционизму и изолированности способность действовать прежде всего в сферах экономики, безопасности и цифровой области для противостояния угрозам.

По итогам исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, новые концепты, занявшие прочные позиции в дискурсе ЕС, являются родственными, но не полностью синонимичными. Схожесть семантического содержания объяснима: концепты рассматриваются некоторыми дискурсивными акторами как взаимозаменяемые и развиваются внутри единой ценностной системы Евросоюза в один период. С точки зрения М. Фридена, именно дискурсивная среда вокруг концептов детерминирует их содержание. Присутствующие отличия между двумя категориями не позволяют им слиться полностью. Во-вторых, с 2015 по 2021 гг. ценностное поле ЕС трансформировалось: стигматизированные понятия (например, суверенитет) реабилитированы внутри идеологии Евросоюза. В-третьих, Брюссель переосмыслил новые концепты, например, наполнил суверенитет главным образом экономическим содержанием, адаптировал их под современные реалии (информационный и цифровой аспект безопасности).

Оба концепта заняли важное место во внешнеполитическом дискурсе и их дальнейшее использование имеет существенную значимость для всех контрагентов ЕС, включая Россию. В контексте кризиса безопасности на европейском континенте введение подобных концептов не будет способствовать деэскалации напряженности между сторонами. Эти понятия с высокой долей вероятности станут обрамлением следующего этапа антагонистической политики Брюсселя по отношению к Москве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Романова Т.А. (2021) Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия. *Современная Европа*. № 5. С. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244>

Соссюр Ф. де. (1999) *Курс общей лингвистики*. Издательство Уральского университета, Екатеринбург. 432 с.

Derrida J. (1997) *Of grammatology (corrected edition)*. Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA. 360 p.

Finlayson A. (2012) Rhetoric and the political theory of ideologies. *Political Studies*. Vol. 60. Issue 4. P. 1–17. doi: 10.1111/j.1467-9248.2012.00948.x

Fiott D. (2018) Strategic autonomy: Towards «European sovereignty» in defence? *The European Union Institute for Security Studies*. 30.11. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (accessed: 10.01.2023).

Freeden M. (1996). *Ideologies and political theory: A conceptual approach*. Oxford University Press, Oxford, UK. 592 p.

Herborth B. (2020) Ideology as Decontestation. *Theory as ideology in international relations. The politics of knowledge*. Ed. by B. Martill, S. Schindler. Routledge, Abingdon, UK. P. 34–50. DOI: 10.4324/9780429021008-4

Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. Verso, London, UK. 198 p.

Leonard M., Shapiro J. (2019) Strategic sovereignty: How Europe can regain the capacity to act. *European Council on Foreign Relations*. 25.06. URL: https://web.archive.org/web/20220520072553/https://ecfr.eu/publication/strategic_sovereignty_how_europe_can_regain_the_capacity_to_act/ (accessed: 10.01.2023).

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*. Cambridge University Press, London, UK. 429 p.

«Strategic Sovereignty» and «Strategic Autonomy» in the EU's Official Discourse: a Morphological Analysis of Ideology

G.V. Kotsur*

*Candidate of Sciences (Politics), assistant
the Department of Theory and History of International Relations
St. Petersburg State University, School of International Relations
1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060
E-mail: glebk17@gmail.com, g.kotsur@spbu.ru

Abstract. The article focuses on the two concepts that have become increasingly common in the official discourse of the EU in recent years – “strategic sovereignty” and “strategic autonomy”. Top public officials, politicians and bodies of the Europe-

an Union and of member states refer to each of these terms, depending on the circumstances or the established tradition of using the concept in a particular area of the EU's policy. However, there is still no clear understanding in the academic and expert community of how they relate at the semantic level – in other words, whether these terms are interchangeable with regard to their meaning, adjacent ones or they differ radically from each other. The author uses the morphological analysis of ideology by M. Freeden with the special emphasis on the process of decontestation as a theoretical and methodological framework of the study in order to compare these two concepts and discover their semantic content. The empirical evidence of the article includes speeches of EU's top public officials, politicians, as well as key documents of the EU during the period of active dissemination of concepts in the discourse of Brussels. The analysis reveals that the two concepts occupy related semantic positions, but they are not completely synonymous. It is difficult to predict the further evolution of the concepts within the EU's semantic system, but they have already taken an important place in the foreign policy discourse of Brussels that will inevitably affect all the EU counterparties, including Russia.

Key words: strategic sovereignty, strategic autonomy, ideology, European Union, discourse

DOI: 10.31857/S0201708323030038

EDN: brfgkt

REFERENCES

- Derrida J. (1997) *Of grammatology (corrected edition)*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Finlayson A. (2012) Rhetoric and the political theory of ideologies, *Political Studies*, 60(4), pp. 1–17.
- Fiott D. (2018) Strategic autonomy: Towards «European sovereignty» in defence? *The European Union Institute for Security Studies*. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (accessed: 10.01.2023).
- Freeden M. (1996) *Ideologies and political theory: A conceptual approach*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Herborth B. (2020) Ideology as decontestation in B. Martill, S. Schindler (ed.) *Theory as ideology in international relations. The politics of knowledge*, Routledge, Abingdon, UK, pp. 34–50.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*, Verso, London, UK.
- Leonard M., Shapiro J. (2019) Strategic sovereignty: How Europe can regain the capacity to act. *European Council on Foreign Relations*. URL: https://web.archive.org/web/20220520072553/https://ecfr.eu/publication/strategic_sovereignty_how_europe_can_regain_the_capacity_to_act/ (accessed: 10.01.2023).
- Romanova T. (2021) Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 32–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520213244> (In Russian).
- Sossure F. de. (1999) *Kurs obshhej lingvistiki* [Course in General Linguistics], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).
- Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge University Press, London, UK.